

НАУКА И РЕЛИГИЯ: О ВОЗМОЖНОСТИ ИХ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОГО ОБЩЕНИЯ

(Рецензия на книгу: Наука и духовность. Глобальные перспективы (Global perspectives on Science & Spirituality. West Conshohocken, Templeton press, 2009. 224 p.).

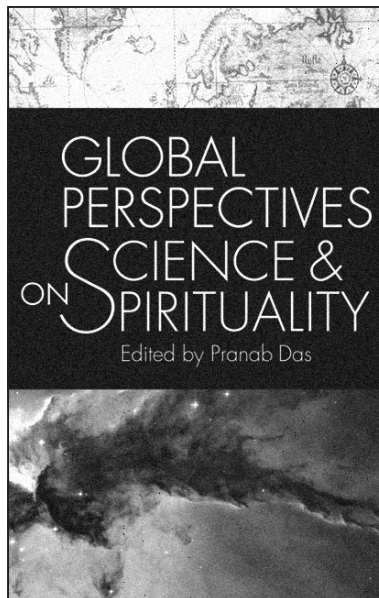
ISBN-13: 978-1-59947-339-0 (alk. Paper)

ISBN-10: 1-59947-339-9 (alk. Paper)

Л. А. МАРКОВА

В конце 2003 г. начала функционировать программа «Наука и духовность. Глобальные перспективы», основные результаты работы которой представлены в настоящей книге. Целью программы, по словам издателя и составителя книги П. Даса, с самого начала было подключение к диалогу, ведущемуся в Соединенных Штатах и Западной Европе, лучших представителей интеллектуальных сообществ Восточной Европы и Азии. Статьи, включенные в сборник, были представлены членами наиболее успешно работавших 12 команд, учеными, выбранными из числа более чем 150 претендентов из двух десятков стран. Организаторы проекта стремились вдохнуть новую жизнь в ведущиеся на Западе споры и обсуждения, пишет Дас в предисловии. Действительно, нельзя не согласиться с тем, что взгляд со стороны позволяет иногда увидеть больше, чем это доступно самим участникам дискуссий.

Большинство глав книги посвящено соотношению науки и религии. Это не означает, однако, что все авторы отождествляют духовность с религией. Дело скорее в том, что ре-

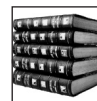

лигия как элемент духовности в ее отношении к науке всегда порождала особенно много проблем, которые живо обсуждались на протяжении столетий философами и теологами. Более того, саму науку едва ли можно исключить из сферы духовного, особенно если смотреть на нее в русле глобальных перспектив развития (что и предполагается Проектом) или же в контексте ее истории. Давно уже никто не считает, даже на бытовом уровне, что наука занята исключительно эмпирическими исследованиями, а практическое использование получаемых в науке фундаментальных результатов зачастую откладывается в далекое будущее. Получение же этих результатов стимулируется, как правило, не стремлением ученого к практической выгоде от достижений науки, а желанием человека лучше узнать мир, в котором он живет, удовлетворить такие свои чувства, как любопытство и сомнение. Естественное знание, а тем более гуманитарные, общественные науки в Новое время в формировании культуры, которая уже вне всякого сомнения принадлежит сфере духовного, играли даже большую роль, чем религия. Поэтому противопоставлять науку и духовность едва ли правомерно, разве что с оговорками и уточнениями. Такое противопоставление выглядит наиболее убедительно в том случае, когда наука воспринимается как ответственная за создание нашего техногенного мира, и она действительно играет в этом процессе решающую роль. Но не только в этом заключается ее значение. Научное исследование обращено не только вовне, на природу, на тот искусственный мир, который создан руками (и головой) человека и в котором мы живем, но и на человека. Наука формирует его мировосприятие, его *духовный мир*.

В главе, написанной *И. Т. Касавиным*, рассматривается соотношение рационального мышления (здесь оно присутствует прежде всего как научное мышление) и духовности (религия, магия и культура в целом в самом широком смысле слова). Однако религия, которой Касавин уделяет максимальное внимание как элементу духовности, не является у него базовым основанием рациональности и не выводится из нее как следствие. Отношения между наукой и религией рассматриваются как междисциплинарные, оба участника этих отношений равноправны и заинтересованы в них в одинаковой степени. Во второй половине XX в. появились такие течения мысли, пишет Касавин, как постпозитивизм, постмодернизм, постгуманизм и проч., и все эти движения объединяет новое понимание науки, с одной стороны, и культуры, духовности – с другой. Результат этого нового понимания и в том, что наука и культура утрачивают свою идентичность, их границы становятся нечеткими.

Ученые ищут в религии более широкий контекст для своих исследований; теологи нуждаются в научных аргументах для модернизации своих взглядов. В техногенном мире имеются две противоречивые тенденции. С одной стороны, происходит технизация жизненного мира и включение в него научных понятий и практик. С другой стороны, гуманизация науки и обретение ею антропных черт противодействуют снижению творческого потенциала в нашей жизни. Но мир науки и гуманитарный мир не просто противостоят друг другу как две крайности, между ними происходит постоянный обмен ценностями, и их существование поощряет динамические процессы в культуре и напряженность философского дискурса.

Почти каждый автор книги обращается к истории для обоснования своих идей. Это относится и к представителю Индии *М. Паранджейпу*

(М. Paranjare). Для него понять науку и духовность, их взаимоотношения, означает включить их в события, связанные с колонизацией Индии, ее освобождением и современным состоянием как свободного, независимого государства.

П. Свэнсон (P. Swanson), директор Нанзэнского института религии и культуры (Япония), задается вопросом: являются ли знакомые нам всем западные понятия ума, сердца, духа, воли, сознания, души и др. достаточными, чтобы наилучшим образом описать мысли и чувства человека? Свэнсон считает, что японский термин *кокуро* является таким понятием, которое уже доказало свою пользу при рассмотрении взаимосвязанной деятельности человеческого ума и сердца.

Национальную и культурную специфику в отношении науки как рационального мышления и религии как одной из составляющих духовности ищет и представитель Китая *Янг Шенг* (Jiang Sheng). Он полагает, что две сферы человеческой жизни, мысли и чувства, их взаимодействие можно понять, опираясь на принцип неопределенности квантовой механики и на китайское религиозно-философское учение дао.

Польские авторы *Г. Багейджек* и *Дж. Томжук* (G. Bugajak, J. Tomczyk) рассматривают соотношение науки и религии в контексте проблемы происхождения человека. Анализируются две позиции: появление человека в результате а) эволюционного развития и б) акта творения. Первый подход обосновывается наукой, второй – религией. Авторы пытаются показать, что оппозиция этих двух точек зрения не столь очевидна, как обычно полагают, и что необходимо их как-то примирить. Основанием для этого служит тот факт, что эволюция не является абсолютно непрерывной, а точечное творение совсем необязательно должно пониматься (по теологическим причинам) как мгновенный акт.

А. Черняков (Россия) строит свои рассуждения о родственности науки и религии на базе анализа герменевтических оснований той и другой. Сходство философии и теологии Черняков видит в одинаковом способе построения ими онтологии на базе герменевтики. В равной мере ни содержание священных текстов, ни факты науки не могут существовать вне сферы их интерпретации, толкования в языке.

Тема связи математики и теологии на базе общности их подхода к пониманию бытия разрабатывается венгерским профессором *Б. Гаалом* (B. Gaal). Он обосновывает тезис, что в XX в. и христианская теология, и математика становятся открытыми системами. По мнению Гаала, очевидно, что если христианская теология действительно хочет сохранить свой теологический характер, ей следует освоить открытый способ мышления, соответствующий ее собственной структуре, чтобы понять, интерпретировать, объяснить догматы.

В книге намечено и в значительной степени осуществлено движение в нескольких направлениях по выявлению способов взаимодействия науки и духовности. При этом в духовности религия не всегда выступает в

качестве главного компонента. В ряде случаев, в основном это касается авторов из азиатских стран, большое внимание уделяется национальной культуре и национальным традициям, в которых зачастую религия, наука и философия трудно различимы, особенно когда авторы погружаются в историю своих стран. И наука, и духовность в своих основных характеристиках предстают перед читателями зависимыми от политических и социальных трансформаций, происходящих в обществе. Такой подход представляет безусловный интерес и часто перерастает в междисциплинарные исследования, в которых пересекаются, сталкиваются, дополняют друг друга идеи из сфер социологии, истории, политологии, социальной гносеологии.

Другие авторы предпочитают сфокусировать свое внимание на содержании научных теорий, особенностях математики и ее истории, с одной стороны, и содержании и характере восприятия Священных текстов – с другой. Теория Дарвина особенно часто служит полем выяснения отношений между наукой и религией, причем в последние десятилетия намечается очевидное стремление теологов прийти к согласию с учеными, что нашло отражение и в рассматриваемой книге. Высказываемая здесь мысль, что единичный акт творения и непрерывность эволюционного процесса не столь уж противоположны друг другу как с точки зрения теологии, так и с позиций науки, выражает стремление ученых и теологов сблизить свои позиции. Сближает их и обосновываемое в книге положение о характере отношения ученых к фактам и теологов к Священным текстам. Научные факты нагружены теорией, они не существуют сами по себе, а Священные тексты подлежат толкованиям, которые зависят от исторического, социального, культурного контекста.

Можно с уверенностью сказать, что все главы книги объединяет стремление их авторов показать неконфликтный, направленный на взаимопонимание характер отношений науки и религии. Для достижения этой цели авторы, как правило, пытаются найти как можно больше общего у науки и религии, что, безусловно, облегчает диалог между ними. В то же время такой уход от индивидуальных, особенных черт, если он начинает доминировать, снижает возможности общения, для которого необходимы отличающиеся друг от друга индивидуумы. В главе И. Т. Касавина говорится о двух экстремальных пиках нашей жизни: технизации (ответственность за которую несет прежде всего наука), утрате творческого начала и личностных характеристик, с одной стороны, и повышении значимости индивидуальности, духовности, уникальности – с другой. Причем граница между этими двумя «экстримами» проходит уже не столько между наукой и религией (одной из главных составляющих духовности), но внутри каждой из этих областей жизни и деятельности человека. В результате сглаживаются границы каждой из них.

В целом книга представляет нам широкий спектр разнообразных точек зрения на проблему соотношения науки и религии у представителей стран Азии и Восточной Европы.